

УДК 39

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.030

Этнокультурные практики современной языковой политики в России**Садохин Александр Петрович**

Доктор культурологии,
профессор кафедры управления информационными процессами,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 84;
e-mail: sadalpetr@yandex.ru

Шабает Юрий Петрович

Доктор исторических наук, профессор,
завсектором этнографии,
Институт языка, литературы и истории,
Коми научный центр,
Уральское отделение РАН,
167982, Российская Федерация, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26;
e-mail: yurshabaev@mail.ru

Денисенко Валентина Николаевна

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник сектора этнографии,
Институт языка, литературы и истории,
Коми научный центр,
Уральское отделение РАН,
167982, Российская Федерация, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26;
e-mail: shabaev@mail.illhkomisc.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема сохранения языков этнических меньшинств, которая сегодня является острой во многих национальных республиках, включая те, которые являются этнической территорией российских финно-угров. Результаты переписи населения и специальные социологические исследования свидетельствуют о том, что в этих республиках уровень языковых компетенций у представительных титульных групп заметно снижается, а влияние русского языка постоянно возрастает. Это вызывает недовольство представителей местной этнической элиты, которое выливается в многочисленные попытки противодействовать процессу языковой унификации. В качестве одной из мер по сохранению языков титульных этнических групп в ряде республик с финно-угорским населением были приняты законы об их обязательном изучении в школах. Данные законы были негативно восприняты доминантным культурным большинством населения и были расценены как нарушение прав человека, в частности его культурных

прав и принципа конституционного равенства граждан. Авторы анализируют состояние проблемы и предлагают некоторые возможные пути ее решения.

Для цитирования в научных исследованиях

Садохин А.П., Шабает Ю.П., Денисенко В.Н. Этнокультурные практики современной языковой политики в России // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 6А. С. 245-264. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.030

Ключевые слова

Языковая политика, коренные народы, некоренное население, культурная свобода, язык коренного народа, коллективная солидарность, пуризм.

Введение

Как известно, язык – носитель культуры, поэтому его значение для культурного развития различных территориальных сообществ крайне велико. Еще в советской этнологической науке сложилось представление о языке как важнейшем этнодифференцирующем признаке этноса и неременном атрибуте этнической культуры. Между тем мировой опыт и этнографические материалы свидетельствуют о том, что для формирования этнической идентичности наличие у каждой этнической группы своего отдельного языка не является обязательным условием. Примеров тому достаточно: это и единый сербохорватский язык, и использование английского языка в качестве родного такими крупными этническими сообществами, как ирландцы, шотландцы, валлийцы, а также многочисленными этническими группами в Африке, у которых не всегда «язык является маркером этнических границ» [Шлее, 2004, 108].

Однако в любом случае культурное значение языка отрицать невозможно. В современном мире этничность как форма культурной отличительности, а также и язык как носитель культуры приобретают все чаще форму идеологии и становятся инструментом политической борьбы и межгрупповой конкуренции. Если обратить внимание на модели языковой политики, реализуемые в российских регионах, особенно в национальных республиках, то в них просматривается попытка сочетать лояльность культурному многообразию и права человека с этнически привилегированными практиками, находящими отражение в региональном законодательном поле и концептуальных моделях этнокультурного образования, нередко строящихся не на идее гражданского равенства, а на манифестации этничности и лингвистическом национализме.

Принципы языковой политики, их правовая основа и система образования

Современная мировая практика языковой политики многообразна, поскольку языковая и этнокультурная ситуация в разных странах существенно различается. Тем не менее эксперты давно предпринимают попытки сформулировать некие общие принципы этой политики, которые как отвечали бы интересам сохранения культурного многообразия современного мира, так и не противоречили бы правам человека и интересам государств-наций. Одной из таких попыток является разработка Фундаментальных принципов Всеобщей декларации языковых прав. Этот документ был предложен группой экспертов на совещании, состоявшемся в 1991 г. в Венгрии. Предполагалось, что декларация о языковых правах будет принята ООН, и

предложения экспертов были переданы в эту организацию. В проекте декларации заявлялось, что каждый человек имеет право изучать один или несколько языков и отождествлять себя с любым из существующих языков, а его языковой выбор должен уважаться любыми общественными и государственными учреждениями, не может быть запрещено преподавание какого-либо языка, каждый человек имеет право, чтобы ему преподавался язык (общенациональный или региональный) по его собственному выбору в рамках системы государственного образования и т. д. [Володарская, 2009]

Ту же цель преследовали и разработчики Всеобщей декларации языковых прав, которую называют еще Барселонской декларацией. Этот документ был принят международным ПЕН-клубом в 1996 г. с целью способствовать созданию условий для сохранения языков, находящихся под угрозой исчезновения. Более того, названная декларация была одобрена Всемирной конференцией по языковым правам, проходившей в июне 1996 г. в Барселоне, но не получила официального одобрения ЮНЕСКО. Ибо сама идея неких особых языковых прав вызывает обоснованные сомнения. Дело в том, что культурные практики столь многообразные, а ситуация в различных странах столь различна, что сложно унифицировать языковое строительство и языковое образование даже в форме неких общих принципов. Кроме того, уже существующие международные правовые нормы и дефиниции, сформировавшаяся система защиты прав человека обеспечивают достаточную защищенность интересов личности.

Однако язык есть не только культурное явление, и в последние десятилетия он очевидно превратился в политический инструмент, а также в форму идеологии, которую берут на вооружение различные этнические антрепренеры. Поэтому не прекращаются попытки обосновать необходимость декларирования особых языковых прав, и поэтому же политика в области языкового развития не может избежать разночтений и конфликтов.

В современной практике языковой политики присутствуют два основных подхода. Первый из них строится на принципах так называемой лингвистической экологии, которые, по сути, повторяют социобиологическую парадигму в общественном сознании. С точки зрения его сторонников, языки (особенно языки меньшинств) необходимо поддерживать и сохранять любыми возможными способами, включая административное давление и принуждение, невзирая на запросы самих потребителей языка, т. е. на их культурные права. Сторонники этого подхода рассматривают культурные сообщества как своего рода коллективные тела. А потому и язык они оценивают исходя из натурфилософских воззрений, понимая и этнические группы, и их языки как редкие виды растений или животных. При утрате носителей этнической идентичности или языков меньшинств такие группы и языки надо, по их мнению, заносить в красные книги [Kolga et al., 2001; Moseley, 2010]. В некоторых изданиях прямо говорится о биологической природе этнических сообществ и языков. Так, во введении к Красной книге языков России утверждается, что «язык каждого народа является не только культурным, но и природным наследием...» [Языки..., 2002, 114].

Второй из базовых подходов к языковой политике опирается на принципы права, а точнее – на конструкцию прав человека, как основу международного права и национальных законодательств. Культурная составляющая прав человека базируется на двух принципиально значимых нормах – праве на отличие и праве на культурную свободу. Первая норма защищает право человека на культурную отличительность (в том числе и в языковой сфере) и является основой для формирования законодательных актов, ориентированных на сферу образования и культуры. Ее сущность состоит в признании неотъемлемых прав личности на возможность

отличаться от доминирующей группы в культурном отношении (по языку, религии, образу жизни и т. д.). Вторая правовая норма означает, что человек сам вправе выбирать себе культурные ценности и принуждать его ориентироваться на некие культурные стандарты нельзя, т. е. насильно сохранять этничность, язык, религию, традиции невозможно, если они становятся неактуальными для членов местных сообществ. Обе нормы в принципе отрицают диктат группы над личностью и принуждение ее к соблюдению заданных сверху культурных норм. Между тем в национальных республиках многие этнические активисты и местные ученые-языковеды активно обсуждают идею языкового нигилизма и осуждают тех, кто не хочет учить или говорить на языке предков, расценивая подобных людей как оторванных от «корней» девиантов, т. е. выступают за безусловный диктат этнической группы над ее отдельными членами (пусть даже только в сфере образования), и лишая человека права на личностное культурное самоопределение, особенно в языковой сфере и в сфере языкового образования.

Среди российских законодательных актов, регулирующих языковую политику, в первую очередь необходимо назвать Закон от 25 октября 1991 г. № 1807-1. В ст. 3 данного закона признавались равные права всех языков народов России, а ст. 4-5 обеспечивали гарантии защиты языков народов Российской Федерации. Русский язык получил статус государственного как язык, который является «основным средством межнационального общения народов» России. Между тем в п. 3 ст. 2 однозначно провозглашается, что каждому гарантируется право на использование родного языка и «свободный выбор языка общения, воспитания, обучения...». Но заметим, что речь идет о «свободном выборе». При этом важно обратить внимание и на последующие дополнения к данному законодательному акту, в частности на дополнения и изменения, утвержденные в 1998 г. в виде Федерального закона от 24 июля 1998 № 126-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О языках народов РСФСР”».

Исходя из положений Конституции РФ, закон наделил функцией гаранта сохранения родных языков народов России, наряду с республиками, и остальные субъекты РФ. Стоит особо подчеркнуть, что в законе центр внимания переносится на проблему равноправия языков РФ, но это не означает их культурного и коммуникативного равенства, ибо языки, которые имеют более развитые литературные традиции и которые по числу носителей доминируют, всегда будут выигрывать конкуренцию в информационном и культурном пространстве, а миноритарные языки всегда будут проигрывать в этой конкуренции. Собственно, равенства языков в сложных сообществах никогда не было, ибо языки этнических меньшинств не в состоянии на равных конкурировать с языками, ассоциируемыми с государствами или доминантными группами его населения. В полной мере это касается и языков финно-угорских народов Российской Федерации, которые в последние десятилетия активно теряют число носителей, а уровень языковых компетенций у молодежи стремительно понижается.

Выход из сложившейся ситуации попытались найти путем простого решения, а именно – путем введения обязательного изучения языков титульных народов в Мордовии (с 2004 г.), Коми (с 2011 г.), Марий Эл (с 2013 г.) всеми учащимися средних школ в этих республиках, хотя во всех республиках с финно-угорским населением названные группы не составляют большую часть населения. Введение «языкового всеобуча» сразу же спровоцировало активные протесты родителей учеников, которые были многочисленны и разнообразны, продолжались много лет.

В связи с этим известный политолог В.А. Ачкасов, ссылаясь на международные документы, замечает: «Родной язык человек усваивает как некоторую природную данность, без видимых усилий. Язык – явление универсальное, связанное со всеми сторонами человеческой жизни, это

не только средство коммуникации, но и система смыслов, хранилище всего разнообразия накопленных знаний... В то же время, по мнению авторов “Доклада о человеческом развитии ООН”, “рождение в конкретной культурной (языковой) среде не является реализацией свободы, скорее наоборот. Актом культурной свободы оно становится только тогда, когда индивид сознательно решает продолжать вести образ жизни, свойственный данной культуре, и принимает такое решение при наличии других альтернатив”. Поэтому худший вид нетерпимости – это прямое или косвенное принуждение индивида жить таким же образом, что и другие члены сообщества или как велит традиция» [Ачкасов, 2012, 125].

Впрочем, стоит оговориться, что директивная практика изучения языков миноритарных культурных групп существует и в Европе, равно как и директивное внедрение языка доминантного сообщества в практику школьного образования, а само положение языков этнических меньшинств очень разное [Marten H.F. et al., 2015]. Так, в испанской Каталонии все обязаны изучать каталанский язык как в школе, так и в университетах. В Финляндии в школах обязательно изучаются финский и шведский, поскольку еще на начальном этапе нациестроительства было решено, что финляндская нация – это двуединое сообщество, в котором финны и шведское меньшинство составляют органическое единство, и по поводу языка здесь, как и в Каталонии, был достигнут определенный общественный консенсус, ибо общественное мнение не отвергало культурную роль названных языков в общественном развитии. Тем не менее стоит заметить, что в последние годы практика обязательного изучения языка шведского меньшинства в школах подвергается в Суоми все усиливающейся критике. В Швейцарии четыре государственных языка, но официальное многоязычие не предполагает индивидуального многоязычия, и именно население каждого кантона самостоятельно решает, какие языки дети должны изучать в школах. Поэтому в немецкоязычных кантонах обычно изучают французский язык, а во франкоязычных категорически не хотят изучать немецкий. Во Франции, где проживают четыре миллиона бретонцев, полтора миллиона эльзасцев, корсиканцы, баски и миллионы выходцев из Африки, Азии и Америки, еще в 1880 г. было принято министерское постановление, согласно которому языком французской школы может быть только французский язык [Эран, Филон, Депре, 2004, www].

Культурное принуждение в системе образования – введение системы обязательного изучения языков меньшинств представителями доминантных групп населения – не принесло пользы никому, но ударило по авторитету и значимости самих этнических языков, ибо отношение к ним, которое было вполне лояльным на волне «этнического ренессанса» 1990-х гг., поменялось, поскольку для учащихся, которые в повседневной жизни пользовались только русским языком, было непонятно, в чем состоял рациональный смысл изучения языка меньшинств. Этот предмет быстро стал нелюбимым, а его изучение превратилось в очевидную формальность, что было замечено исследователями [Подвинцев, 2017]. Более того, практика обязательного изучения создала ситуацию культурного конфликта в тех национальных республиках, где она была внедрена. Правда, конфликт имел преимущественно латентную форму, хотя иногда и сопровождался публичными акциями, но чаще протесты носили характер обращений в различные институты власти как от имени отдельных лиц, так и от имени организаций и инициативных групп.

Одним из важных законодательных актов в области этноязыковой политики стал Федеральный закон от 11 декабря 2002 г. № 165-ФЗ «О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации “О языках Российской Федерации”». Содержание дополнений касалось

недопустимости изменения графики языков (хотя, учитывая лингвистические особенности, карельский язык было бы желательно перевести на латиницу). Данные дополнения диктовались скорее не культурной, а политической логикой, так как процессы нациестроительства и формирования российской гражданской нации требуют укрепления гражданской солидарности и общероссийской идентичности, чего необходимо достигать не только политическими, но и культурными методами, т. е. путем формирования общего культурного пространства в стране.

Язык как идеология

В 2018 г. вышеназванный закон о языках подвергся наиболее существенным изменениям, что было болезненно воспринято национальной интеллигенцией в республиках, многие представители которой, глубоко воспринявшие в свое время положения доктрины этнического национализма, привнесенные в культурную жизнь большевиками, не могли принять идеи добровольного изучения языков национальных меньшинств. Названная доктрина базировалась на трех важнейших принципах: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным государственным образованием; 2) в пределах данного государственного образования группа объявлялась «коренной», а все остальное население – «некоренным»; 3) представители «коренной» группы получали политические и культурные преференции [Тишков, Шабает, 2013, 350].

Территории республик и национальных округов передавались как бы в символическую собственность только одному собственнику – «коренному народу», который получал преференции потому, что он был назначен «главным» на данной территории. Подобное восприятие республиканских сообществ прочно закрепилось в сознании этнических элит, поэтому многие этнические антрепренеры до сих пор полагают, что если на территории есть «коренной народ», то его культурные ценности (включая язык) необходимо усвоить всем остальным группам, несмотря на их желание или нежелание принимать и признавать эти ценности. Данная позиция стала одним из краеугольных камней идеологии этнонациональных движений финно-угров России и отчасти нашла отражение даже в официальных документах, а язык из культурного явления все больше стал превращаться в форму идеологии (по принципу «язык есть власть»).

Прагматический подтекст такой культурной практики состоял в том, чтобы использовать силу институтов государства для сохранения языков и не брать на себя миссию по проведению сложной и длительной разъяснительной работы, связанной с разработкой мер, способствующих превращению региональных языков в эффективное средство коммуникации в местных сообществах. В среде этнических элит существовало и все еще существует убеждение, что поддержка государства может решить все проблемы культурного развития меньшинств, но это очевидная иллюзия.

Важно заметить, что ориентация региональных культурных практик на доктрину этнического национализма в современных условиях не могла не вызывать отторжения у значительной части республиканских сообществ, в которых титульные группы не составляли большую часть населения. Когда недовольство доминантных групп приняли во внимание и отреагировали на него, тогда представители этнических элит в республиках попытались изменить позицию государства. Отдельные этнические активисты устраивали пикеты, собирали подписи под петициями протеста против изменений, внесенных в федеральный закон о языках (только в Сыктывкаре национальная интеллигенция собрала 3000 подписей), направляли в

Госдуме резолюции собраний с требованиями внести изменения в названный закон.

Но дело в том, что простые представители этнических меньшинств давно отказали этническим лидерам и местным экспертам в праве решать за них, на какие культурные ценности необходимо ориентироваться, какую форму культурного (в том числе и языкового) поведения выбирать. Поэтому, несмотря на почти 30-летний период этнического ренессанса, постоянную манифестацию этничности, призывы всячески сохранять некую «традиционную культуру» и «родной язык, молодежь и их родители ориентированы на космополитическую массовую культуру города и русский язык как основное средство общения и культурного потребления.

Налицо не только конфликт культурных позиций этнического большинства и этнического меньшинства, но и конфликт культурных позиций этнических элит и этнических сообществ в целом. Культурные элиты меньшинств оказались оторванными от своих этнических сообществ, ибо миссию будителей они не смогли выполнить. Показательна в этом плане запись одного из руководителей «Коми войтыр» на информационном ресурсе «ВКонтакте», сделанная после собрания, на котором выдвигались делегаты на коми конференцию, в которой он выражал удивление по поводу того, что во время этого собрания никто не захотел обсуждать вопросы, связанные с сохранением коми языка и культуры, а собравшиеся говорили о насущных текущих проблемах горожан¹, т. е. их волновали интересы городского сообщества в целом, а не интересы отдельного этнического сегмента этого сообщества, и в этом плане позиции простых членов этнических групп принципиально отличаются от мнений и идей лидеров этнических организаций, которые пытаются стать культурными и моральными цензорами местных сообществ и этнических групп, с которыми они себя отождествляют.

Но когда государство встало не на сторону этнических антрепренеров, а на сторону простых граждан, законодательно, закрепив право на культурную свободу, включая свободный выбор языка обучения и свободное изучение языка титульных этнических групп как предмета, некоторые этнические антрепренеры испытали культурный шок и оказались в состоянии фрустрации, поскольку рушились их иллюзии и представления о путях развития «коренных народов», которые они пытались отстаивать три постсоветских десятилетия. Им стали отказывать в доверии и собственные «соплеменники», и государство, а потому этнические антрепренеры, особенно этнические романтики, оказались в состоянии фрустрации, чему свидетельством стало самосожжение удмуртского активиста (и исследователя) Альберта Разина перед зданием республиканского парламента 19 сентября 2019 г. Разин занимался «реконструкцией языческих верований» [Мельников, 2019] и проводил языческие моления в защиту удмуртского языка. Публичный акт гражданского неповиновения он совершил в знак протеста против того, что язык более стало невозможно навязывать людям, что им позволено добровольно выбирать языки обучения. В своем предсмертном обращении в адрес парламента республики он требовал введение обязательного изучения удмуртского языка не только во всех школах республики, но и во всех детских садах, хотя это требование не учитывает ни специфику формирования местных сообществ в Удмуртии, ни культурные права граждан.

Поступок А. Разина привлек к себе внимание многих этнических активистов, но он не мог остаться незамеченным и учеными. Академик В.А. Тишков справедливо заметил на Facebook, что язык не является обязательным условием развития и сохранения этнических культур. Его оппонентами сразу же стали не только этнические антрепренеры, но и ученые из республик.

¹ Ссылка на запись: <http://www/vk.com/club/16040714>

Так, член Татарской академии наук Индус Тагиров заявил: «Человек в душе всегда остается тем, кем родился. Родной язык у него, равно как и многие черты национального характера, в крови. То, что его не выучили этому языку, вовсе не означает, что родным для него является язык чужого народа» [«Камо грядеши»..., [www](#)].

Но этнографические материалы свидетельствуют о том, что языки способны умирать, возрождаться, интерес к ним может ослабевать и вновь усиливаться, что есть достаточно много случаев, когда народы пользуются языками культурных соседей и при этом сохраняют свою культурную самобытность. И с кровью «перелить» язык больному «языковым нигилизмом» (термин, придуманный филологами в национальных республиках) «пациенту» не получится.

Однако названное печальное событие вновь попытались использовать этнические радикалы, которые в соцсетях выражали лицемерное сочувствие не родным, близким, друзьям и коллегам погибшего (как подобает в таких случаях), а исключительно удмуртскому народу, выступая от имени других этнических меньшинств, которые не давали им полномочий высказываться от имени всего этнического сообщества. При этом стоит заметить, что сохранение культурного многообразия (в том числе и языков меньшинств), конечно, является важной проблемой, но ее нужно решать не методами насилия.

Стоит заметить, что после 1990-х гг. был предпринят целый комплекс различных мер, направленных по поддержку миноритарных языков: приняты республиканские законы о государственных языках, повышен их статус, разработаны государственные программы развития языков, продолжается работа по нормированию языков, существенно расширено представительство этнических языков в электронных СМИ и т. д.

Тем не менее заметных изменений в этноязыковой ситуации не произошло. И это объяснимо: финно-угры были и остаются этническими меньшинствами и при этом воспринимают русских как референтную группу, поскольку, несмотря на стабильное повышение образовательного уровня, финно-угры все еще отстают в образовательном плане от русских [Финно-угорский мир, 2005], а доминантная культура всегда воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная.

На наш взгляд, нельзя говорить и о том, что языки российских финно-угров находятся под угрозой исчезновения, хотя подобные утверждения нередко можно слышать из уст лингвистов. Так, Юха Янхунен считает, что язык может сохраниться, если число его носителей составляет не менее 30 000 человек, а Янош Пустаи, возражая ему, называет цифру в 100 000 человек [Пустаи, [www](#)], что явно свидетельствует о некоем механистическом подходе к решению проблем языкового развития, характерном как для отечественных, так и для зарубежных лингвистов.

Этноязыковая ситуация и этноязыковые ориентации населения в республиках с финно-угорским населением

Коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва остаются преимущественно аграрными этническими сообществами, и в сельской местности в своих регионах они обычно численно доминируют, поэтому здесь роль финно-угорских языков остается весомой, ибо сама языковая среда создает условия для их успешного функционирования. Там, где нет этой среды, сохранить язык меньшинств как полноценную форму повседневной коммуникации не удастся. А все попытки создавать языковые гнезда в городских детских садах выглядят очевидной утопией, поскольку эта модель ориентирована только на замкнутые моноэтнические и моноязыковые

сообщества. В городах, где финно-угры находятся в меньшинстве, межэтнические контакты очень интенсивны, а русский язык доминирует во всех сферах коммуникации, в том числе и в семейном общении представителей этнических меньшинств. Полиэтническая городская культурная среда не может функционировать, опираясь на язык меньшинств, даже в случае локального доминирования этого меньшинства.

Результаты переписей населения 2002 и 2010 г. показали, что языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной и она тесно коррелирует с ростом доли городского населения среди финно-угров. Так, данные переписи 2002 г. демонстрируют, что только 48,4% карел в Карелии владеют карельским языком, среди мордвы, проживающей в Мордовии, 15,6% вообще не владеют мордовским языком, в Республике Коми коми языком владеют 78,1% проживающих здесь представителей титульного этнического сообщества, в Марий Эл 84,2% проживающих здесь марийцев владеют марийским языком, а средством повседневного общения для большинства представителей этих народов стал русский язык.

Впрочем, вполне правомерно встает вопрос о том, можно ли называть языковой ассимиляцией культурный процесс, в ходе которого индивид сознательно и свободно делает выбор в пользу языка, который отличен от языка его предков. Скорее всего, здесь следует говорить о смене культурных ориентаций, о культурном выборе, который делается с учетом не символических значений, а рациональных соображений, основанных на престиже и уровне развития языка. Исходя из этих соображений, и в качестве языка повседневного общения, и в качестве родного теперь чаще избирается не язык предков, а русский язык как наиболее распространенный. При этом добровольный выбор этническими антрепренерами и радикалами преподносится как русификация и языковое насилие, а директивное навязывание языка оценивается как форма заботы о нем, средство его защиты.

Данные переписи 2010 г. очевидно свидетельствуют о том, что процесс ослабления языковых компетенций среди российских финно-угров принял устойчивый характер. Перепись 2010 г. доказывает, что русский язык не только является основным языком общения, но и признается родным значительной долей российских финно-угров: русский язык назвали родным 37,1% коми, проживающих на территории Республики Коми, 72,7% карел в Карелии, 43,9% удмуртов в Удмуртии, 20,2% марийцев в Республике Марий Эл и 18,0% тех, кто называет себя мордвой, в Мордовии [Шабаетов и др., 2018].

Важно отметить, что многие коми, марийцы, удмурты нередко называют язык своей этнической группы родным, хотя либо совершенно им не владеют, либо владеют достаточно слабо. Все это, с одной стороны, надо расценивать как очевидное проявление этнической солидарности, но с другой – это есть свидетельство очевидного отсутствия прямой связи между этнической идентичностью и языком, ибо, даже утрачивая язык, люди продолжают идентифицировать себя как представителей своего этнического сообщества, а не того, чьим языком они пользуются. Примеров подобного рода в России достаточно много как среди финно-угров, так и среди представителей других народов: калмыков, бурят, большинства представителей коренных малочисленных народов Севера и т. д.

Что же касается языковых ориентаций, то они продолжают смещаться в пользу русского языка. В городах Республики Коми, к примеру, полностью не владеют коми языком уже 42% детей из моноэтнических коми семей. Свободно говорит на нем только четверть детей [Денисенко, 2007, 37]. В Карелии среди карел свободно владеют родным языком (разговорным) только 29,7% [Клементьев, 2013, 136]. Согласно опросу 2011 г., лишь 1,2% городских жителей разговаривают со своими детьми дошкольного возраста на марийском языке, такая же доля

респондентов общается в семье на родном языке с детьми школьного возраста. На русском и марийском языках говорят дома 1,8% и 2,2% соответственно [Материалы..., 2013]. Согласно материалам опроса 2015 г., только 0,4% городских жителей общались дома на марийском языке со своими детьми дошкольного возраста и 1,1% с детьми школьного возраста, на русском и марийском языках – 3,1% и 3,3% соответственно [Межконфессиональные и межнациональные отношения..., 2016]. Сходная ситуация имеет место и в других «финно-угорских регионах».

Уже в 1970-80-е гг. социологи Марий Эл отмечали ослабление позиций марийского языка и связывали это явление в первую очередь с процессами урбанизации в республике, ростом смешанных браков, констатируя потерю родного языка уже у третьего поколения сельских мигрантов. На языковую ситуацию, по мнению специалистов, оказывала влияние и огромная масса заимствований, входящих в марийский через русский язык.

В последние два десятилетия языковая политика, проводимая властями регионов, где проживают финно-угры, постоянно была в центре внимания местных властей, хотя нельзя сказать, что она была эффективной и глубоко продуманной.

Как сказано выше, в Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии приняты законы о государственных языках, изменившие статус языков титульных народов и придавшие им статус государственных. Только в Карелии этого сделано не было, и подобную ситуацию можно объяснить не столько сопротивлением нетитульного большинства населения, сколько особенностями этнополитического развития республики в советскую эпоху. Дело в том, что Карелия одной из первых в большевистской России получила статус автономии (1920 г.), а с 1940 по 1956 г. являлась не автономной, а союзной республикой – Карело-Финской ССР. Возглавлявшие ее в 1920-1930-е гг. «красные финны» во главе с бывшим доцентом Гельсингфорского (Хельсинского) университета Эдвардом Гюллингом понимали карельскую автономию весьма своеобразно. Они видели миссию республиканского руководства не в том, чтобы подчеркивать ее «карельскость», а в том, чтобы «финнизировать» республику с целью превращения ее в плацдарм для будущей коммунистической экспансии в Скандинавию, а потому отвергали все попытки создания карельской и вепсской письменности и признавали их шовинистическими, политически неверными и служившими для «одурачивания темных масс» [Сурво, 2009, 179]. Официальным языком республики до 1937 г. и с 1940 по 1956 г. был финский язык.

После массовых репрессий против «красных финнов» и устранения их с политической арены республики, понижения ее статуса до обычной автономии, где титульным этническим сообществом однозначно становились карелы, казалось бы, можно было заняться созданием общекарельского литературного языка и языковым строительством, но во второй половине 1950-х гг. эта задача не рассматривалась как актуальная, ибо после принятия в 1958 г. нового закона о школе ситуация радикально изменилась. В национальных республиках местные языки утратили свой прежний статус и престиж, а родители учеников, дети которых обучались в национальных школах, стали писать обращения в адрес властей с требованиями перевести обучение в этих школах на русский язык, поскольку считалось, что в русских школах качество обучения выше, нежели в национальных (подобные обращения имели место во всех республиках, где проживали финно-угры). Тем не менее в последние годы все громче звучат голоса тех, кто ратует за скорейшее придание карельскому языку статуса государственного, о чем свидетельствуют дискуссии на прошедшей в сентябре 2017 г. конференции «Статус карельского языка в системе языков народов Российской Федерации: правовые, лингвистические, культурные аспекты» [Участники..., [www](http://www.karelia.ru)].

Конечно, придание официального статуса способствует более активному использованию этнических языков в различных сферах коммуникации, что и имеет место во многих республиках, но не менее значимыми являются разработка единого литературного языка, продуманное языковое нормотворчество, а равно и словотворчество. Местные языковеды в начале 1990-х гг. фактически получили от властей карт-бланш на то, чтобы заниматься активным языковым строительством и словотворчеством, но при этом ни власти, ни лингвисты не ориентировались на интересы и возможности самих потребителей языка. Для ряда региональных филологов активное обновление словарного состава финно-угорских языков и вытеснение из них иноэтничных заимствований, прежде всего русских, стали одним из важнейших направлений их деятельности. Изучение же возможных путей повышения престижа миноритарных языков и понимание потребностей их носителей не были включены в повестку дня. Стремление к «очищению» финно-угорских языков от заимствований мыслилось как создание барьеров на пути языковой ассимиляции, но на деле имело обратный эффект. Самое печальное, что сторонники пуризма не желали критически оценивать результаты своей деятельности, не стремились глубоко разобраться в потребностях собственной языковой аудитории и ориентировались не на современные методы языковой политики, а на опыт прошлых эпох. Поэтому пуризм приобрел в их деятельности очень значительные масштабы.

Дело в том, что пуризм был очень популярен в Восточной и Центральной Европе с первой половины XIX в., когда в Германии, Чехии, Венгрии, Финляндии начались процессы национального пробуждения (во главе которых были так называемые «будители»), резко возрос интерес к собственной этнической культуре и т. д. Так, в середине XIX в. в Румынии стали активно искоренять славянизмы в румынском языке, для этого отказались от кириллицы и перешли на латинский алфавит. В Германии в последней трети XIX в. «немецкий пуризм ополчился прежде всего против галлицизмов, а вкупе с ними и против элементов греко-латинского происхождения; чешский пуризм, напротив, считал своей целью очищение родного языка главным образом от германизмов. Общим врагом чешских пуристов и их коллег из Германии и Австрии были интернационализмы» [Елинек, 2006, 37-38]. Впоследствии языковеды признали, что без заимствований ни один язык полноценно развиваться не может и увлечение пуризмом ушло в прошлое.

Тем не менее стоит заметить, что в XIX в. масштабное и небезуспешное словотворчество было характерно для культурного строительства в Венгрии и Финляндии. Эти страны рассматриваются этническими элитами российских финно-угров как своеобразный культурный эталон, и потому многие идеи, рожденные здесь, а также в Эстонии, копируются деятелями культуры и исследователями в Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, включая и опыт языкового строительства почти двухвековой давности. Но очевидно, что традиции венгерского и финского пуризма XIX в. не могли успешно использоваться и в XXI в., когда принципиально изменилась культурная и языковая ситуация, а культурные процессы приобрели глобальный характер. Современные реалии и многие экстралингвистические факторы, которые необходимо учитывать при формировании региональной языковой политики, в рекомендациях языковедов нередко игнорируются или не учитываются в должной мере.

Поэтому в последние годы лингвисты в «финно-угорских регионах» РФ свою главную задачу видели в том, чтобы «очистить» языки от заимствований, расширить словарный фонд языков за счет активного словотворчества. Вот что по этому поводу заметил коми языковед Е.А. Цыпанов: «За последние 12-15 лет в коми, удмуртском, марийском, а также в мордовском и карельском литературных языках имеют место схожие процессы активного расширения

лексических ресурсов за счет создания и активизации собственно-языковых слов-неологизмов, которые употребляются вместо заимствованных лексем или же чаще всего параллельно им в качестве синонимов. Появились десятки и сотни новых слов, например, оланпас "закон", енби "талант", удм. кункрезь "гимн", лулчеберет "культура", мар. шанче "наука", тоштер "музей" и т. д. Одним словом, за немногим более чем десятилетний период в родственных языках возникла новая лингвистическая реальность в виде большого корпуса неологизмов» [Цыпанов, 2005, 25].

Сегодня увлечение языковедов пуризмом приводит к тому, что и рядовые потребители языка, т. е. школьники и читатели массовых изданий, отказываются принимать и понимать создаваемый ими новояз. Более того, среди самих филологов возникли серьезные конфликты, поскольку есть понимание того, что избранная модель языкового строительства наносит вред дальнейшему развитию языков финно-угров [Шабает и др., 2018].

В Республике Коми своеобразный «приговор пуризму» был оглашен в одном из сельских районов, где доля коми населения является наивысшей (около 90%), а коми язык на бытовом уровне полностью доминирует. Здесь 13 января 2017 г. в доме культуры села Усть-Кулом (районном центре) был проведен «круглый стол» с участием общественности района и активистами коми движения. Целью дискуссии, которая имела там место, было обсуждение проблем изучения коми языка в школах района, в том числе и причины того, почему родители школьников не горят желанием, чтобы их дети получали знания по предмету «Коми язык». После проведения «круглого стола» в адрес информационного агентства «Комиинформ» поступило коллективное письмо родителей и представителей администрации района, в котором говорилось, что «круглый стол» оказался неподготовленным, а представители исполкома «Коми войтыр», приехавшие для участия в нем, пытались навязать свое мнение его участникам и не слышали оппонентов. А оппоненты этнических активистов справедливо указывали этническим активистам на то, что невозможно заставить изучать коми язык в условиях незаинтересованности в этом родителей учеников [Власти..., www].

Отклики на публикацию, размещенные на сайте «Комиинформа», были весьма показательны. Их было много, но их содержание можно разделить на несколько позиций, каждая из которых связана с той или иной проблемой, касающейся языковой политики. Первая позиция – это отстаивание идеи культурной свободы и культурных прав личности, что в данном конкретном случае означало, что нельзя насильно заставлять изучать язык. Сторонников этой позиции было очень мало. Вторая позиция, которой придерживались многие, состояла в том, что детей в школе заставляют изучать какой-то непонятный язык, на котором в обычной жизни не говорят. Последние две позиции связаны с той моделью республиканского сообщества, которую пропагандируют лидеры коми движения и других этнонациональных движений финно-угров и которая глубоко укоренилась в представлениях как простых обывателей, так и этнических антрепренеров. Их приверженцы воспринимают отказ от изучения языка не иначе как «неуважение к народу» и отрицают культурные права личности, а сами республиканские социумы рассматривают как разделенное на этнические сегменты сообщества, выстроенные в форме культурной пирамиды, где «коренной народ» находится на особом положении и принцип конституционного равенства граждан не принимается во внимание.

Упование на административные и декоративные методы решения языковых проблем распространено повсеместно, и уже много лет и этнические активисты, и филологи говорят о необходимости увеличения часов, отводимых на изучение «родных языков», хотя очевидно, что это можно сделать только в том случае, если «урежут» часы, отводимые на изучение других предметов школьной программы, что нежелательно. Также очевидно, что школа может лишь

систематизировать языковые знания, но к живому языковому общению учащиеся должны приобщаться в семье. В селах это и происходит, поскольку до сих пор большая часть российских финно-угров (за исключением карел) – это представители аграрных сообществ. В городе полностью доминирует русский язык во всех сферах коммуникации, а потому для сохранения полноценного функционирования миноритарных языков здесь усилий школы явно недостаточно. Не меняют ситуацию придание статуса государственного языкам финно-угров, двуязычные вывески на государственных учреждениях, названия улиц, телепередачи на языках меньшинств, спонсирование государством издания книг и журналов на языках меньшинств, тем более что печатная продукция у молодежи сегодня почти не востребована.

Нужны дополнительные усилия, в числе которых должна быть разработка целостных программ по формированию привлекательного имиджа финно-угорских языков. Таких программ пока нигде нет, но есть международный опыт по целенаправленному формированию общественного мнения в сложных сообществах с целью повышения престижа языков меньшинств [Coulmas, 1991]. Еще одним методом придания дополнительных стимулов для сохранения и развития языков недоминантных этнических групп является так называемый языковой маркетинг, суть которого состоит в том, чтобы представить язык, равно как и этничность, в качестве привлекательного и полезного продукта в сфере общественного потребления [Baker, Jones, 1998].

Язык должен стать привлекательным продуктом в первую очередь в системе интернет-ресурсов. Отдельные энтузиасты пытаются создавать подобные информационные ресурсы, но эта работа не приобрела программного характера. Между тем пример скандинавских саамов показывает, что язык можно сохранять и развивать не только методом языкового гнезда, когда одно маленькое поселение замыкается в себе и ограничивает внешнее информационное воздействие, поскольку в данном населенном пункте полностью преобладают представители лишь одной этнической группы, принадлежащей к этническим меньшинствам. Язык можно успешно сохранять и развивать за счет его визуализации и коммодификации [Farah, Tremolada, 2014]. Коммодификация – это процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке (в том числе на рынке культурного потребления). Наиболее успешный пример использования этого метода для сохранения этнических культур и превращения их в привлекательный рыночный продукт – этнографический туризм. К примеру, вовлекаемые в процесс коммодизации саамские языки превращаются в ресурс оригинальности и аутентичности, а не рассматриваются только как инструмент политики идентичности или сфера применения неочевидных «языковых прав». Язык получает дополнительные ресурсы для развития, поскольку выступает в качестве «визитной карточки» региона.

Следует также заметить, что для качественного преподавания национальных языков, а особенно для создания полноценных программ обучения на этих языках необходимо решить целый ряд проблем, а именно: завершить нормирование языков; обогатить их словарный состав научно-технической политической и правовой лексикой, без которой невозможно вести преподавание на этих языках многих школьных предметов; создать комплекс учебников, учебных пособий и методик изучения языков; подготовить качественный корпус преподавателей этих языков; решить проблему создания сбалансированной системы этнокультурного образования. И это дело не только государства, но и этнической элиты, от которой требуется настоящее подвижничество в названной сфере деятельности. Но в республиках с финно-угорским населением (и не только в них) решили идти более простым и

прямым путем, а именно – просто обязать как представителей титульных групп, так и представителей соседствующих с ними этнических сообществ изучать языки этих групп [Инсарова, 2008].

Некоторые филологи утверждали, что обязательность изучения является лишь охранной нормой [Кудряшова, 2005]. В связи с этим вполне закономерно задаться вопросом: кого и от чего эта «грамота» должна охранять? Получается, что обязательность изучения направлена против культурного влияния этнических соседей. Но рядовые представители региональных сообществ совсем иначе воспринимают языковую проблематику, нежели местные этнические антрепренеры.

Проведенный в 2001 г. массовый опрос населения Марий Эл показал, что здесь за то, чтобы все дети в школах изучали марийский язык, высказалось 38,9% респондентов [Межнациональные отношения..., 2005, 110]. Опрос населения Удмуртии, проведенный в 2002 г., показал, что в этой республике 31,7% удмуртов безусловно согласны с тем, чтобы удмуртский язык преподавался во всех школах республики в качестве обязательного предмета (еще 35,8% «скорее согласны» с этим, среди русских респондентов «безусловно согласных» лишь 3,0%, а «скорее согласных» – 14,1%) [Смирнова, 2002]. Сходные данные были получены и в Мордовии. Самая большая доля респондентов во всех случаях ратовала за то, чтобы язык титульных групп изучался учащимися только по желанию (от половины до двух третей). Но картина существенно меняется, если мы станем анализировать позиции разных этнических и социальных групп населения.

Показательно, что среди коми в Республике Коми доля тех, кто в начале 2000-х гг. считал необходимым, чтобы все дети в школах изучали коми язык, составляла 35,8%, а среди русских респондентов – только 13,3%. Среди названных этнических групп за свободный выбор высказались 48,4% и 59,8% опрошенных соответственно. Примерно аналогичная ситуация и в Коми округе, где доля выступающих за свободу выбора была выше. Такова же ситуация была и в Марий Эл: здесь 19,4% русских и 62,1% марийцев выступали за необходимость обучения марийскому языку всех школьников республики, а против этого 65,7% и 23,7% соответственно [Межнациональные отношения..., 2002]. В Карелии почти 90% опрошенных карел хотели бы, чтобы их дети знали язык своей национальности [Клементьев, 2008, 69], но желаемый идеал и характер реального поведения родителей, как правило, прямо противоположны.

Свидетельством усиливающегося культурного конфликта явились результаты опроса, который был проведен коми этнографами совместно с пермскими коллегами в 2012 г. в Коми и Коми-Пермяцком округе. За обязательное изучение коми языка в школах республики и округа всеми школьниками в целом тогда в обоих регионах высказалось только 34% от всех опрошенных. Среди русских респондентов подобную практику поддержали 17,9%, а среди коми – 47,7% (среди коми-пермяков – 41,8%). Расхождения в позициях представителей различных этнических общин по этому вопросу были и ранее, что фиксировали замеры общественного мнения, но никогда прежде эти расхождения не были такими значительными. Более того, опрос студентов вузов, проведенный в октябре 2019 г. в Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии, показал, что позиции русских студентов и студентов из числа представителей титульных народов названных республик по поводу обязательного изучения этнических языков все еще очень заметно расходятся, хотя большая часть всех опрошенных считают, что их изучение должно строиться на добровольной основе. Приведенные нами выше данные достаточно определенно свидетельствуют о наличии определенного конфликта интересов, а точнее – конфликта этнокультурных (этноязыковых) позиций, в отношениях между крупнейшими

этническими общинами населения в «финно-угорских республиках» РФ.

Исследования были проведены в апреле и мае 2017 г. в ряде регионов РФ, в том числе и в Республике Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии (в каждом регионе опрошено по 30 экспертов, 150 учеников 8-11-х классов в различных школах этих республик, 150 родителей учеников 1-11-х классов в городах и селах республики и 150 студентов вузов). Итоги опроса показали, что подавляющее большинство экспертов, родителей школьников, самих школьников и студентов признают значимость этнокультурного образования и выступают за то, чтобы такое образование получало дальнейшее развитие. Что касается изучения языков титульных этнических групп, то за обязательное (стандартное на тот момент изучение языка как предмета) изучение языков титульных групп высказалось меньшинство опрошенных, а идея полного перевода образования на языки меньшинств вообще не получила поддержки, в том числе и со стороны большинства респондентов и экспертов из числа титульного населения республик (см. табл. 1).

Таблица 1. Отношение к преподаванию языков титульных этнических групп в школах национальных республик (опрос апреля-мая 2017 г.), %

Группа/вариант ответа	Национальный язык не нужен	Только общее знакомство	Стандартное изучение национального языка	Углубленное изучение	Обучение на национальном языке
Школьники в Коми	44,7	28,0	21,3	4,7	0,7
Школьники в Удмуртии	49,0	25,5	22,2	2,0	1,3
Школьники в Марий Эл	42,0	33,4	19,4	4,0	0,6
Школьники в Мордовии	54,0	30,0	12,0	4,0	0,0
Родители в Коми	23,3	34,7	36,0	4,0	1,3
Родители в Удмуртии	40,7	38,7	18,6	2,0	0,0
Родители в Марий Эл	28,7	41,3	26,7	2,0	0,0
Родители в Мордовии	33,0	39,0	26,0	1,0	0,0

Необходимо особо отметить, что результаты опроса показали высокий уровень толерантности, продемонстрированный респондентами в отношении культурных ценностей титульных групп, в первую очередь их языка [Шабаетов и др., 2018]. Сама идея преподавания языков финно-угров не вызывает неприятия у опрашиваемых, а большая часть из них поддерживает различные формы знакомства учеников с языками титульных групп. Весьма показательным, что респонденты проявили большую степень толерантности по отношению к межкультурному взаимодействию, нежели власти их регионов и этнические антрепренеры, которые склонны к прямолинейным решениям в сфере организации межкультурного диалога, хотя вдумчивая этнополитика не может строиться на грубом администрировании.

Заключение

Финно-угры, особенно финно-угорская молодежь, продолжают утрачивать навыки владения языками предков, добровольно и сознательно переходя на использование русского языка во всех сферах коммуникации. Трактовать этот процесс как «катастрофу» или некое негативное явление вряд ли корректно, ибо этот переход осуществляется сознательно, это личный рациональный выбор каждого конкретного гражданина, который тем самым реализует свои гражданские права, в частности право на свободный выбор культурных ценностей и форм культурного потребления.

Однако, безусловно, признавая эти права, необходимо отметить, что проблема сохранения языков и повышения их востребованности остается актуальной задачей региональной языковой политики. Если с начала 2000-х гг. в республиках ускоренными темпами создавались материальная и лингвистическая базы распространения национальных языков в обществе, то в современных условиях весьма актуальна реализация целевых программ, имеющих социальный характер. В частности, речь идет о разработке региональных программ по формированию общественного мнения, которое бы пропагандировало язык финно-угров как специфическую культурную ценность, как престижное и полезное для его носителей знание.

Одновременно необходимо разработать и внедрить в систему социальной работы и в практику языковой политики качественный языковой маркетинг, создать привлекательные интернет-ресурсы на языках уральцев, избегая при этом какого-либо насилия в сфере языковой политики, добиваясь положительных результатов путем предложения потребителям языка такого продукта, который будет востребован в сфере культурного потребления. Если этого не сделать, то у языков меньшинств будет мало перспектив для развития.

Библиография

1. «Камо грядеши»: Индус Тагиров о живых и мертвых языках. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/442313>
2. Ачкасов В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб., 2012. 230 с.
3. Власти и общественность Усть-Кулома возмущены обвинениями со стороны «Коми войтыр». URL: <https://komiinform.ru/news/143408>
4. Володарская Э.Ф. Модели языковой политики стран мира // Вопросы филологии. 2009. № 1. С. 24-45.
5. Денисенко В.Н. Родной язык и этнос: коми и коми-пермяки // Материалы XXXVI Международной филологической конференции. СПб., 2007.
6. Елинек М. О чешском языковом туризме нового времени // Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006. Кн. 2. С. 30-62.
7. Инсарова Н. Родные языки – в каждую школу! // Финно-угорская газета. 2008. 28 февраля.
8. Клементьев Е.И. О праве и практике: языковой аспект в Республике Карелия // Материалы V Всемирного конгресса финно-угорских народов «Идентичность и изменяющийся мир». Сыктывкар, 2008.
9. Клементьев Е.И. Языковые процессы в Карелии на примере карел, вепсов, финнов. Петрозаводск, 2013. 193 с.
10. Кудряшова Л. Коми речь! Терпи, родная... // Финно-угорский вестник. 2005. № 39.
11. Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений». Йошкар-Ола, 2013. 434 с.
12. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2016. 181 с.
13. Межнациональные отношения в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2002.
14. Межнациональные отношения в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2005.
15. Мельников А. Бунт языческого Разина. Ренессанс коренных народов не сводится к пельменным фестивалям и конкурсам рыжеволосых // Независимая газета. 2019. 18 сентября.
16. О языках народов Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 25.10.1991 № 1807-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/
17. Подвинцев О.Б. «Переселенческие территории» в составе «национальных окраин»: противоречия субрегиональной структуры российских республик // Вестник Пермского университета. Серия: Политология.

2017. № 1. С. 108-115.
18. Пустай Я. Малые финно-угорские языки умрут, надо срочно спасать более крупные. URL: <http://finugor.ru/news/yanosh-pustai-malye-finno-ugorskie-yazyki-umrut-nado-srochno-spasat-bolee-krupnye>
19. Смирнова С.К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.; Ижевск, 2002. 558 с.
20. Сурво А.А. Уральский миф // Семиозис и культура. Философия и феноменология текста. Сыктывкар: КГПИ, 2009. Вып. 5.
21. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: МГУ, 2013. 413 с.
22. Участники конференции о статусе карельского языка подвели итоги. URL: <http://www.finugor.ru/news/uchastniki-konferencii-o-statuse=karelskogo-yazyka-podveli-itogi>
23. Финно-угорский мир. Сыктывкар: Комистат, 2005.
24. Цыпанов Е.А. Лексическое обновление в коми, удмуртском и марийском языках: общее и особенное // Материалы III Всероссийской конференции финно-угроведов «История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов». Сыктывкар, 2005.
25. Шабаетов Ю.П., Воронцов В.С., Мартыненко А.В., Орлова О.В., Миронова Н.П. Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик // Вопросы филологии. 2018. № 1. С. 62-74.
26. Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М., 2004. 200 с.
27. Эран Ф., Филон А., Депре К. Динамика языковой ситуации во Франции в XX веке // Этнографическое обозрение. 2004. № 4. URL: <http://naukarus.com/dinamika-yazykovoy-situatsii-vo-frantsii-v-xx-v>
28. Языки народов России. Красная книга. М., 2002. 385 с.
29. Baker C., Jones S.P. Encyclopedia of bilingualism and bilingual education. Multilingual Matters, 1998.
30. Coulmas F. (ed.) A language policy for the European community: prospects and quandaries. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991.
31. Farah P.D., Tremolada R. Desirability of commodification of intangible cultural heritage: the unsatisfying role of intellectual property rights // Transnational dispute management. 2014. Vol. 11. No. 2.
32. Kolga M. et al. The red book of the peoples of the Russian Empire. Tallinn, 2001.
33. Marten H.F. et al. (eds.) Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union: comparative studies on equality and diversity. Cham: Springer International Publishing, 2015. 340 p.
34. Moseley C. (ed.) Atlas of the world's languages in danger. Paris: UNESCO, 2010.

Ethnocultural practices of the modern language policy in Russia

Aleksandr P. Sadokhin

Doctor of Cultural Studies,
Professor at the Department of managing information processes,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
119571, 84 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sadalpetr@yandex.ru

Yurii P. Shabaev

Doctor of History, Professor,
Head of the Sector of ethnography,
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
167982, 26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Russian Federation;
e-mail: yupshabaev@mail.ru

Valentina N. Denisenko

PhD in History,
Senior Researcher at the Sector of ethnography,
Institute of Language, Literature and History,
Komi Science Centre,
Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
167982, 26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Russian Federation;
e-mail: shabaev@mail.illhkomisc.ru

Abstract

The article deals with the problem of preserving the languages of ethnic minorities, which is currently acute in many national republics of the Russian Federation, including those that are the ethnic territory of the Finno-Ugric peoples. The results of the population census and special sociological research show that the level of the language competence of the representatives of ethnic minorities in these republics has been significantly reduced, and the influence of the Russian language is increasing. This causes discontent among the local ethnic elite, which results in numerous attempts to counteract the process of language unification. The authors of the article consider the information on the preservation of the languages of ethnic minorities and pay attention to the fact that one of the measures aimed at preserving the languages of ethnic minorities consists in adopting laws that make children study them at school. Such laws were adopted in a number of republics with the Finno-Ugric peoples. They were negatively perceived by the dominant cultural majority of the population and were regarded as a violation of human rights, in particular cultural rights and the principle of constitutional equality of citizens. The authors carry out an analysis of the state of the problem and suggest some possible solutions.

For citation

Sadokhin A.P., Shabaev Yu.P., Denisenko V.N. (2019) Etnokul'turnye praktiki sovremennoi yazykovoi politiki v Rossii [Ethnocultural practices of the modern language policy in Russia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (6A), pp. 245-264. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.030

Keywords

Language policy, indigenous peoples, non-indigenous population, cultural freedom, indigenous language, collective solidarity, purism.

References

1. "Kamo gryadeshi": Indus Tagirov o zhivyykh i mertvykh yazykakh ["Kamo gryadeshi": Indus Tagirov about living and dead languages]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/442313> [Accessed 22/11/19].
2. Achkasov V.A. (2012) *Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti* [Identity policy in multi-ethnic states in the context of solving the security problem]. St. Petersburg.
3. Baker C., Jones S.P. (1998) *Encyclopedia of bilingualism and bilingual education*. Multilingual Matters.
4. Coulmas F. (ed.) (1991) *A language policy for the European community: prospects and quandaries*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
5. Denisenko V.N. (2007) Rodnoi yazyk i etnos: komi i komi-permyaki [The native language and the ethnic group: the Komi and the Permian Komi]. *Materialy XXXVI Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii* [Proc. 36th Int. Conf.]. St. Petersburg.

6. Farah P.D., Tremolada R. (2014) Desirability of commodification of intangible cultural heritage: the unsatisfying role of intellectual property rights. *Transnational dispute management*, 11 (2).
7. *Finno-ugorskii mir* [The Finno-Ugric world] (2005). Syktyvkar: Komistat Publ.
8. Hérán F., Filhon A., Deprez C. (2002) La dynamique des langues en France au fil du XXe siècle. *Population et sociétés*, 376. (Russ. ed.: Hérán F., Filhon A., Deprez C. (2004) Dinamika yazykovoi situatsii vo Frantsii v XX veke. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], 4. Available at: <http://naukarus.com/dinamika-yazykovoy-situatsii-vo-frantsii-v-xx-v> [Accessed 22/11/19].)
9. Insarova N. (2008) Rodnye yazyki – v kazhduyu shkolu! [Native languages – to every school!] *Finno-ugorskaya gazeta* [Finno-Ugric newspaper], 28th Feb.
10. Jelinek M. (2006) O cheshskom yazykovom purizme novogo vremeni [On Czech language purism of modern times]. In: *Globalizatsiya-etnizatsiya: etnokul'turnye i etnoyazykovye protsessy* [Globalisation-ethnisation: ethnocultural and ethnolinguistic processes], Book 2. Moscow, pp. 30-62.
11. Klement'ev E.I. (2008) O prave i praktike: yazykovoi aspekt v Respublike Kareliya [On law and practice: the language aspect in the Republic of Karelia]. *Materialy V Vsemirnogo kongressa finno-ugorskikh narodov "Identichnost' i izmenyayushchiysya mir"* [Proc. 5th Cong. "Identity and a changing world"]. Syktyvkar.
12. Klement'ev E.I. (2013) *Yazykovye protsessy v Karelii na primere karel, vepsov, finnov* [Language processes in Karelia: a case study of the Karelians, Veps, and Finns]. Petrozavodsk.
13. Kolga M. et al. (2001) *The red book of the peoples of the Russian Empire*. Tallinn.
14. Kudryashova L. (2005) Komi rech'! Terpi, rodnaya... [Komi speech! Be patient, dear...] *Finno-ugorskii vestnik* [Finno-Ugric bulletin], 39.
15. Marten H.F. et al. (eds.) (2015) *Cultural and linguistic minorities in the Russian Federation and the European Union: comparative studies on equality and diversity*. Cham: Springer International Publishing.
16. *Materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sotsiologicheskie issledovaniya mezhnatsional'nykh i mezhkonfessional'nykh otnoshenii"* [Proc. Conf. "Sociological research on interethnic and interfaith relations"] (2013). Yoshkar-Ola.
17. Mel'nikov A. (2019) Bunt yazycheskogo Razina. Renessans korennykh narodov ne svoditsya k pel'mennym festivalyam i konkursam ryzhevolosykh [The pagan revolt of Razin. The Renaissance of indigenous minorities is not limited to dumpling festivals and red-haired contests]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent newspaper], 18th Sep.
18. *Mezhkonfessional'nye i mezhnatsional'nye otnosheniya v Respublike Marii El* [Interfaith and interethnic relations in the Republic of Mari El] (2016). Yoshkar-Ola.
19. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v Respublike Marii El* [Interethnic relations in the Republic of Mari El] (2002). Yoshkar-Ola.
20. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v Respublike Marii El* [Interethnic relations in the Republic of Mari El] (2005). Yoshkar-Ola.
21. Moseley C. (ed.) (2010) *Atlas of the world's languages in danger*. Paris: UNESCO.
22. *O yazykakh narodov Rossiiskoi Federatsii: zakon Ros. Federatsii ot 25.10.1991 № 1807-1* [On the languages of the peoples of the Russian Federation: Law of the Russian Federation No. 1807-1 of October 25, 1991]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ [Accessed 22/11/19].
23. Podvintsev O.B. (2017) "Pereselencheskie territorii" v sostave "natsional'nykh okrain": protivorechiya subregional'noi struktury rossiiskikh respublik ["Resettlement territories" as part of "national suburbs": contradictions in the sub-regional structure of Russian republics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Series: Political science], 1, pp. 108-115.
24. Pustai Ya. *Malye finno-ugorskie yazyki umrut, nado srochno spasat' bolee krupnye* [Small Finno-Ugric languages will die, it is urgent to save the larger ones]. Available at: <http://finugor.ru/news/yanosh-pustai-malye-finno-ugorskie-yazyki-umrut-nado-srochno-spasat-bolee-krupnye> [Accessed 22/11/19].
25. Schlee G. (2004) *Upravlenie konfliktami: teoriya i praktika* [Conflict management: theory and practice]. Moscow.
26. Shabaev Yu.P., Vorontsov V.S., Martynenko A.V., Orlova O.V., Mironova N.P. (2018) Yazykovaya politika i yazykovye orientatsii naseleniya v natsional'nykh respublikakh: konflikt interesov mezhdru gruppami ili nesovershenstvo kul'turnykh praktik [The language policy and language orientations of the population in national republics: conflicts of interest between groups or imperfection of cultural practices]. *Voprosy filologii* [Issues of philology], 1, pp. 62-74.
27. Smirnova S.K. (2002) *Fenomen Udmurtii. Etnopoliticheskoe razvitiye v kontekste postsovetskikh transformatsii* [The phenomenon of Udmurtia. Ethnopolitical development in the context of post-Soviet transformations]. Moscow; Izhevsk.
28. Survo A.A. (2009) Ural'skii mif [The Ural myth]. In: *Semiozis i kul'tura. Filosofiya i fenomenologiya teksta* [Semiosis and culture. The philosophy and phenomenology of texts], Vol. 5. Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute.
29. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. (2013) *Etnopolitologiya: politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: political functions of ethnicity]. Moscow: Moscow State University.
30. Tsypanov E.A. (2005) Leksicheskoe obnovenie v komi, udmurtskom i mariiskom yazykakh: obshchee i osobennoe [Lexical updating in the Komi, Udmurt and Mari languages: the general and the special]. *Materialy III Vserossiiskoi konferentsii finno-ugrovedov "Istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya yazykov i kul'tur finno-ugorskikh"*

-
- narodov*” [Proc. 3rd Conf. “The history and current state of the languages and cultures of the Finno-Ugric peoples and prospects for their development”]. Syktyvkar.
31. *Uchastniki konferentsii o statuse karel'skogo yazyka podveli itogi* [Participants in the conference on the status of the Karelian language summed up the results]. Available at: <http://www/finugor.ru/news/uchastniki-konferencii-o-statuse=karelskogo=yazyka-podveli-itogi> [Accessed 22/11/19].
32. *Vlasti i obshchestvennost' Ust'-Kuloma vozmushcheny obvineniyami so storony "Komi voityr"* [The authorities and the public of Ust-Kulom are outraged by the accusations from “Komi voityr”]. Available at: <https://komiinform.ru/news/143408> [Accessed 22/11/19].
33. Volodarskaya E.F. (2009) Modeli yazykovoi politiki stran mira [Models of the language policy in the world]. *Voprosy filologii* [Issues of philology], 1, pp. 24-45.
34. *Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga* [The languages of the peoples of Russia. The red book] (2002). Moscow.